

ШКОЛЬНЫЕ СОЧИНЕНИЯ О ПЕРЕЖИВАНИЯХ ВО ВРЕМЯ ОККУПАЦИИ КРАСНОДАРА (ФЕВРАЛЬ 1945 г.)

В предыдущем номере журнала была размещена статья о школьных сочинениях, написанных зимой 1945 г. краснодарскими подростками о переживаниях в период нацистской оккупации. Публикуемый ниже материал является документальным подспорьем к той статье, позволяющим читателю сопоставить аналитическое исследование с источниками, воспринять детские тексты как их субъективные опыты проживания в экстремальных условиях.

Публикуемые документы не стоит рассматривать как достоверные свидетельства очевидцев. Воспоминания никогда не равны действительности. Многого из описанного в нарративах дети сами не видели, черпая информацию из рассказов взрослых, из сообщений в средствах массовой информации, к тому же еще и постфактум. Не стоит забывать и о двойной субъективности любых воспоминаний: субъективности опыта и субъективности его презентации аудитории. Невозможно достоверно установить границу между фактами и артефактами в воспоминаниях детей вследствие воздействия контаминационного эффекта «забвения источника». Личный опыт переживаний репрезентировался школьниками не непосредственно, а через призму детской памяти со всеми ее особенностями.

Вместе с тем эти материалы — уникальные источники об эпохе, отражающие субъективные опыты детских переживаний. Как бы мы ни пытались нивелировать проблему фактуальной достоверности школьных сочинений как источников воспоминаний о военном детстве, вопрос о свидетельской ценности этих нарративов неизбежно будет актуальным для читателя и исследователя. Публикуя документы, составитель предлагает свою классификацию сочинений по критерию свидетельской ценности воспоминаний детей как очевидцев описываемых событий.

Учитывая высокую степень воздействия официальной советской пропаганды и информированности школьников, влияния значимых взрослых на конструирование детских мемуаров, а также повышенную эмоциональность и активную работу воображения в подростковом возрасте, сочинения краснодарских учеников классифицируются нами по трем условно обозначаемым типам: «реалистичные», «канонические» и «экспрессивные».

Границы этих типов весьма размыты. Однако, вопреки кажущейся метафизичности, эта классификация основывается на вполне осязаемых исходных признаках: операционализация в детских воспоминаниях ключевых понятий «память» («я помню», «я забыла», «мои воспоминания») и «память очевидца» («я видела», «я участвовал», «я пережил»); наличие эмоционально-чувственных образов и эпитетов по отношению к «своим» (Красной Армии, мирному населению) и «чужим» (оккупантам и предателям); степень отражения в текстах сочинений терминологии официального дискурса; уровень стандартизации в характеристиках ситуаций и людей; коллективная и личная самоидентификация авторов воспоминаний; стремление быть сопричастным к значимым событиям; степень пространственно-временной конкретизации топографических «мест памяти» и субъективного жизненного опыта автора.

Исходя из этих критериев, к типу «реалистичных» (**документ № 1**) воспоминаний отнесены работы школьников, в которых наиболее правдоподобно и убедительно представлены индивидуальный опыт жизни в оккупации (эвакуации) и личная память свидетеля-очевидца, конкретизированная в подробном описании событий *de visu*; где в меньшей степени дублируется официальная информация из газет и радиосводок с использованием языка политического дискурса, но в то же время стиль изложения материала отличается эмоциональной сдержанностью, большей информативностью и фактуальной вероятностью. Данный тип сочинений более всего подходит для использования детских нарративов в качестве носителя относительно достоверной фактуальной информации.

Для «канонических» (имеется в виду канон «советский человек») воспоминаний (**документ № 2**) характерны подчеркнутое презентирование их авторами советской идентичности (порой в сочетании с национальной и региональной), совмещение эмотивной декларации патриотических настроений и чувств с одновременной демонстрацией ненависти к врагу, заслоняющими собой собственно воспоминания о лично пережитом опыте и понижающими степень их ожидаемой достоверности. Этот тип сочинений в большей мере, чем остальные, может стать источником для изучения «политики памяти» детей о войне.

Категория «экспрессивных» воспоминаний (**документ № 3**), несмотря на то, что детские воспоминания практически всегда эмоциональны, а тема сочинения предполагала описание личных переживаний, отличается от вышеприведенных обостренным выражением чувств, порой граничащим с экзальтацией, преобладанием ярко выраженных «позитивных» и «негативных» эпитетов и образов в ценностной системе координат «свои/чужие». Это не столько репрезентация памяти о событиях, сколько проявление эмотивной памяти, когда представленные факты облечены в форму пафоса/драматизма и обильно «сдобрены» эмоционально-чувственной терминологией, но при этом менее отчетливо, чем в предыдущей группе, демонстрируется советская идентичность. Третий тип сочинений представляет особый интерес для исследования эмотивных аспектов нарративов: реконструкции моделей переживаний в «эмоциональных сообществах» школьников военных лет, «эмоционального режима» и «эмоционального кодирования» чувств в изучаемый период.

Сочинение ученицы Н. Федюковой (**документ № 4**) своей нестандартностью и литературным стилем выходит за рамки данной типологии. Мы публикуем этот оригинальный источник, желая показать не только уникальность документа, но и схематичность и ограниченность любой классификации. На наш взгляд, этот нарратив сочетает все три вышеописанные категории и в целом представляется наиболее достоверным.

Расположение текста, стиль и орфография документов сохранены с целью обеспечения наиболее аутентичной передачи своеобразия детских текстов той эпохи.

Сведения об авторе:

Рожков Александр Юрьевич,
д-р ист. наук, проф. Кубанского государственного университета культуры и искусств ГУКИ (Краснодар).
E-mail: avt014@mail.ru

Документ № 1

Сочинение Марианны Жердиенко

8 февраля. Контрольная работа
Мои переживания во время эвакуации.

План к работе.

1) Посадка в вагон.	2) Дальнейшая эвакуация.
3) Встреча с отцом.	4) В тылу. 5) Большая радость.

С горечью приходилось покидать родной Краснодар. Немцы были уже близко. Мы второпях собирали вещи и спешили на вокзал. Там было очень много народу. Как только подошел поезд, все бросились к нему, толкая друг друга. Кажется, все жители Краснодара хотели сесть на этот поезд. Сильные лезли по головам, слабые падали; их толкали и топтали спеша сесть в вагон, невзирая на их крики. Кто лез в двери, кто в окна, кто на крышу. Ввиду того, что я была не из числа сильных, (мне было тогда десять с половиной лет), мне порядочно досталось. Спасать свои вещи было невыносимо. Кто лез с чемоданом, того выталкивали и не пускали в вагон. Наши вещи тоже остались на станции. Мы не могли их взять сквозь тысячную толпу. Невозможно было взять даже продукты, иначе остались бы на станции. Так мы покинули Краснодар. Через несколько часов, на одной из станций, нам сообщили, что Краснодар занят немцами. Это известие нас поразило. Но на следующей станции мы подверглись сильной бомбёжке и еле остались в живых. Как только стихла бомбёжка, поезд тронулся. Так мы доехали до Кропоткина. Вдруг застрочили пули по крышам вагонов. В нескольких шагах разорвались две бомбы, взметая в воздух сотни кубометров земли. Дети плакали, женщины голосили. Но вот поезд рванулся изо всех сил. Многие не успели сесть, но поезд больше не остановился. Мы помчались снова. Вот раздался оглушительный взрыв. Проклятые немцы разбомбили прекрасный кропоткинский вокзал. Вскоре, из окон вагонов, мы увидели, что прилетели несколько наших ястребков. Они разогнали вражеских стервятников.

Теперь на душе было более спокойно. Но не только бомбёжку приходилось испытывать. Нет. В дороге настиг нас ужасный голод. Не было ни крошечки хлеба. Всё было давно съедено. Мы были вынуждены просить корочку хлеба... Даже не хочется вспоминать об этом. Как вспомнишь, так слёзы к горлу и подступают. Счастье, что мы встретились со своим папой. Он был в армии, и их часть как раз проезжала этот город. Как-то он узнал, что мы находимся здесь. Он нас нашёл и ужаснулся: мы так изменились за этот небольшой период. Мы сели вместе с ним на поезд и поехали дальше. Здесь было более удобнее и лучше с питанием. Так, благодаря этой редкой встрече, мы были избавлены от верной гибели. Но вскоре мы расстались. Папа поехал на фронт, а мы в тыл. Здесь приходилось тоже не мало трудностей... Но всё уже позади. Всего не перескажешь. Долго ещё блуждали мы и наконец, прибыли к месту назначения. Сразу, что бросилось в глаза, это не было светомаскировки. И вообще всё было как-то чуждо. Хотя было уже спокойно, но мысль о родном городе не выходила из головы. Но вот двенадцатого февраля 1943 года наступил радостный день — день освобождения Краснодара. В классе меня все поздравляли. Они говорили: «Ой, какая счастливая! Теперь твой город освобождён!». Да, я была очень счастлива. Я не могла представить себе этого большого счастья. Я ходила весь день, всё время повторяя: «Краснодар освобождён! Милый, родной Краснодар! Он теперь уже освобождён от немецкого сапога!

Вскоре через несколько месяцев после радостной вести мы с большой охотой уехали обратно в любимый Краснодар.

Писала Жердиенко Марианна.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 54—54 об.

Документ № 2

Сочинение Антонины Мотовилиной

Десятого февраля 1945 года.
Домашнее задание.

Мои переживания и переживания советских людей в плену у немецких извергов.

Грозные и решающие дни повисли над нашей страной. Враг с большими для него, кровопролитными боями занимал: село за селом, деревню за деревней, город за городом. И вот наступил тот ужасный день, когда кровавый и грязный немецкий сапог, впервые вступил на чистую улицу кубанской столицы, города Краснодара. Накануне вступления протекала ужасная ночь. Холодеет сердце, когда представляешь весь этот ужас объятый пламенем и дымом. Краснодар пылал со всех сторон. Зловещии, пламенные языки огней столбами поднимались вверх к небу, едучей пеленой дыма. Враг вступил, и ранил гордое сердце Кубани. Наступило утро, но небо было черное и казалось, что солнце потухло, что его уж нет, что никогда, никогда оно не заглянет сюда и небласкает своими своим нежным, теплым, золотистым лучем: детвору и стариков. И что уж никогда, в зеркальных водах Кубани не окунется игривый золотистый луч солнца и не пробежит по гладкой листве зеленых деревьев, по ярким цветам растущих в полях и по зеленой траве на сочных лугах. Оно ушло и скрылось ото всех, ото всего. И потекли мрачные, тяжелые и жуткие дни рабства. Немецкое командование издавало приказ за приказом, распоряжение за распоряжением, в которых гордый, свободолюбивый, советский народ Кубани, должен был гнуть спину и преклонять гордую голову перед кем? Перед ними...! Извергами, душегубами, палачами людей! В последние дни оккупации, на улицах, площадях висели те, кто нихотел покориться им, кто боролся против их риска своей жизнью. Это была молодежь, у которой молодое, пылкое сердце рвалось к свободе, к счастью, к светлой и жизнерадостной жизни. Тысячи и десятки тысяч детей, стариков, да и вообще населения, погибли от жестокой и бессердечной руки гитлеровцев. Душегубками были задушены дети, которые привыкли к светлой, счастливой жизни. Они были оторваны от любимой матери, которая взлелеяла их своей материнской лаской, и обречены на жестокую, нивиданную до сего времени пытку смерть. Но какая мать будет молчать, когда у нее отнимают может быть единственного ребенка. Какая мать отдаст его в руки палачам. О нет...! Она туда тоже, туда за своей крошкой, туда..... На жуткую смерть...! Но терпя все, все, люди ждали тот момент, когда они гордо поднимут свою голову, когда они своими глазами

снова увидят солнце, когда они снова счастливо улыбнутся своими губами, которые казалось разучились улыбаться, а которые привыкли за это время только шептать и посылать проклятия на голову душегубам, извергам, кровопийцам людей. Они ждали, они были уверены в это; что снова они станут свободными, счастливыми людьми, а не рабами, обреченными на смерть.

И я, я тоже была уверена в этом. Я знала, что придет время, когда мы снова облегченно вздохнем и когда уже свободно произнесем такие слова, как: «Мы счастливы, мы свободные дети, мы советские дети, любимой Советской Родины! Я ждала тот день, когда я встану из-за парты, подойду к карте и громким, отчетливым голосом скажу: «Это наш Советский Союз; страна, где все свободны и счастливы, где все равны!». Я ждала тот день, когда мы все смело скажем: «Даздравствует наш любимый, родной отец, товарищ Сталин!». Когда в этих нескольких словах мы выразим всю свою любовь и благодарность от чистых и молодых сердец, любимому вождю. Я и мы все, знали, что этот день ниприменно придет. Да! И он пришел! Долгожданный, счастливый, светлый вместе с ярким солнцем. Пришел тот день, когда можно смеяться, петь, мечтать, учиться. Когда из детских губ, уст, вылетают драгоценные слова: «Сталин! Любимый Сталин! Даздравствует наш вождь, отец. и учитель любимы Сталин!». Настал тот день, когда мы свободно вздохнули, сбросили с плеч немецкое рабство и на свободную гордую грудь одели красный галстук. Да! оно вернулось, вернулось к нам наше счастье, наша гордость, наша жизнь, наше будущее, красивое, мирное, хорошее и счастливое! Вернулась свобода! Вернулась жизнь!

уч[еницы] 7б класса. Средней школы № 45
Мотовилиной Антонины

ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 43. Л. 38—41 об.

Документ № 3

Сочинение Эльвиры Аспиотис

Восьмое февраля.

Домашняя работа ученицы 8а класса 45-й школы

Аспиотис Эльвиры.

Мои переживания во время оккупации.

План.

- 1) Наш город в опасности.
- 2) Мои чувства и переживания в первый день оккупации.
- 3) Глубокая ненависть к врагам-убийцам.
- 4) Радостные новости.
- 5) Искра надежды на спасение.
- 6) Занятия немцев перед отступлением.
- 7) Самый счастливый день в моей жизни.

Шумели дубравы, цвели луга, поля, в садах рдели фрукты, созревали нивы и спокойно текли воды. Это были самые замечательные дни лета, но насладиться природой мешала война, которая грозно полыхала над родиной, которая заставила мирных граждан взяться за оружие и подняться на защиту отечества. Да, это были жаркие дни! Как свежо воспоминание об этих днях, когда мы были окованы цепями рабства, оторваны от жизни. Эти однообразно текущие дни, но полные переживаний, волнений, отчаяния и надежд, навсегда остались в моей памяти.

И вот девятого августа Красная Армия вынуждена была оставить город Краснодар. Двигались обозы, проходили утомленные запыленные бойцы. Грустно было у меня на душе, и думалось, скоро ли вновь я увижу их. Я знала, что покидают они нас не на долго. Свора немецких разбойников ворвалась в наш мирный уголок и обагрила его кровью. У меня от боли сжалось сердце, когда я увидела группу бойцов, которым путь из города был отрезан. С бледными лицами, запыленные, усталые, облитые потом, но полные решительности и отваги, готовились честно сложить головы и не сдаться врагу. Все, что только могла им помоч, делала я. Они устроили засаду. Каждый боец имел по патрону и три гранаты, но у них за то были души храбрых русских воинов, самоотверженных, полных решимости. Они решили дорого продать свою жизнь. Когда день близился к полдню, они начали обстрел по немцам.

Немцы в свою очередь открыли огонь по ним. Я помню, как через мою голову летали немецкие снаряды, мимо ушей свистели пули. От каждого взрыва дрожала земля. Я вошла в комнату. Здесь так же грозила мне опасность, как и на дворе. Распахивались ставни, со звоном вылетали стекла, на голову сыпалась штукатурка. Ужасом была объята моя душа, яростно колотилось сердце, готовое вырваться из груди, стучало в висках, звенело в ушах, кровь прилиwała к лицу, жгла всё тело и перед глазами бегали черные мурашки. Я прижималась всем телом к маме, к брату. Больше я ничего не помню. Я плакала, когда увидела на том месте где засели бойцы траншею изрытую снарядами и пропитанную кровью и изуродованные, измятые тела бойцов. Знают ли их сестры, матеря, отцы и дети какая участь постигла их. У них и сейчас еще теплится искорка надежды на встречу. Так прошел первый день оккупации. Глубокое чувство ненависти к извергам сжигало мою душу. Они окружали меня, я их видела везде, но беспомощна и слаба была чтобы выместить на этих извергах всю ненависть. Как медленно проходили дни. Какие тяжёлые воспоминания остались в моей памяти о них. Запасаясь терпением я ждала бойцов-освободителей. Я верила в этот день. Надежда на спасение теплилась во мне, и эта искра надежды возгоралась в пламя. Однообразно, скучно и утомительно текли дни и месяцы оккупации — день казался годом. Но за эти 6 месяцев много пришлось перенести лешений, мук и волнений. Немцы издевались над детьми, над женщинами. Они мобилизовывали женщин [н]а тяжёлые работы, гестаповцы активно работали. И каждый раз, когда маме приходилось итти для прописки на биржу, я волновалась за нее. Особенно проявили себя немцы перед отступлением. Они устраивали кровавые расправы над жителями. Эти вандалы сжигали заводы, школы и даже жилые дома. Ярким заревом разгоралась, рассыпая дождем искры, то одна, то другая сторона города. Особенно жутко было когда недалеко от нас горел склад и было слышно зловещее потрескивание пламени. Черные, грозные клубы дыма поднимались над горящими зданиями прямо к небу, застилая его. Пахло гарью и в воздухе носился пепел. С какой болью сжималось сердце при виде такого зрелища. С какой грустью смотрела я как полыхал родной город, как полыхали здания, которые создавались в течении многих лет и всего за несколько часов были сожжены и разрушены безжалостной рукой варвара. Радостные новости приходили в город «Красная Армия громит врага! Красная Армия освободит нас!». Я ждала наших освободителей с минуты на минуту. И вот 12 февраля 1943 года Красная Армия освободила нас. Как сейчас помню я, это был морозный день, но солнце светило как то ласковее, ярче и теплее чем раньше, и его косые лучи ласкали стены полуразрушенных зданий. Какую радость, какие неотрозимые чувства чувствовала я, когда вновь увидела смуглые, обветренные, добродушные лица и серые шинели русских бойцов. Так в темницу рабства проник яркий луч свободы и света. Теперь все были на воле, все свободно дышало, жизнь закипела!

Честь и слава бойцам-освободителям!

ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 42. Л. 8—9 об.

Документ № 4

Сочинение Нины Федюковой

Работа уч[ени]цы 8а кл[асса] Федюковой Нины
Что я пережила во время оккупации

План.

1. Чем занимаются женщины, дети и девушки в летний вечер в мирной обстановке.
2. Как проводила вечер наша семья.
3. Ночь.
4. Начало войны.
5. В немецкой неволе.
 - а) Город во время вступления немцев.
 - б) Поселение немца в квартире и его хищническое обращение с окружающими.
 - в) Властность немцев, жестокость.
 - г) Насмешливость — презрение к русским.
6. День освобождения.
7. Заключение.

Теплый вечер самый обыкновенный из всех летних вечеров. Ярко светит луна и на освещенной стороне улицы видно так, что можно читать. На скамейках, около домов, сидят женщины и рассказывают о событиях минувших дней. Во дворах на зеленой траве много деvушек. Они бегают, суетятся, играют в шумные игры. Их звонкие голоса раздаются непрерывно в вечернем свежем воздухе.

Девушки-подростки собрались отдельно. Они уселись на лавочке в саду и дружно беседуют. Самое интересное — слушать рассказ подружки о только что прочитанной книге. Все слушают со вниманием и только иногда взоры всех отвлекаются падающей звездочкой или криком испугавшейся птицы. Как чудесно проходили вечера.

Быстро летит время. Уже мамы зовут домой. Неохотно идем все по домам. Дома вся семья в сборе. Папа рассказывает сказку трехлетней сестренке, которая удивленными глазами следит за рассказчиком. В другой комнате брат дорисовывает картину. Вот появляется мама с ужином. Все садятся за стол. Все время неумолкает дружный семейный разговор. Затем все идут спать.

Мертвая тишина царит кругом. Только бледная луна смотрит вниз и улыбающимся взором окидывает мирно спящий город, да легкий ночной ветерок, врываясь в открытое окно, шевелит занавеску. Редко кто либо нарушит тишину и вновь все стихнет. И так до утра.

И вот в одно утро, когда еще многие спали, это было двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года, прозвучало грозное слово: война. Я тогда плохо понимала, что такое война, что она несет населению. Вечером отец долго рассказывал нам о войне 1914 и 1918 годов. Первое, что я почувствовала в то время, была разлука с отцом и братом, которые уходили на фронт. Мы остались втроем: мама, я и сестренка.

Папа и брат часто присылали письма. В своих письмах они описывали жизнь фронтовиков, их героическую борьбу с немецкими фашистами. По вечерам мы слушали радио, сообщения о результатах войны.

Острое ощущение войны я почувствовала во время оккупации. Еще и сейчас остались следы пережитого. Немцы подходили все ближе и ближе к городу. Девятого августа они уже вошли в его окрестности. Было хмурое утро. Черный дым валил от взорванных заводов огромной лавиной и, поднимаясь, закрывал все небо. В городе было пусто и мрачно, как будто город погрузился в волшебный сон. Это зрелище вызывало непреодолимый страх за все родное и становилось жутко. Как больно было смотреть, что исчезает все родное: веселье, красота, хотя и знал[и], что это только на время.

По вечерам не слышно прежних песен молодежи, а только раздается лязг металлических подков и их грубые отрывистые голоса. Этот гулкий стук отдается в сердце, переполненном ненавистью, как удар молота по наковальне. Вдруг кто-то постучал в дверь. Не успела мама выйти в коридор, как раздалось злобное рычание и затем последовал сильный удар. Крючок не выдержал и дверь открылась. В комнату вошел пожилой немец. Он что-то кричал, обращаясь к матери, и показывал на дверь. Потом он вошел в зал, положил вещи и лег на мамину кровать. Нам пришлось всем поселиться в маленькой кухонке. Так поселился у нас «квартирант». Жизнь с того времени стала еще мрачнее. Я не могла спокойно смотреть на хозяйничанье этого зверя в комнате. Сердце мое обливалось кровью, когда он рвал стопы журналов. Я не выдержала и стала убирать оставшиеся, но он как будто не замечал меня и продолжал рвать, приговаривая: «Большевик, комсомол — капут».

Звери алчные, они хотели уничтожить русскую культуру, но это им не удалось сделать и не удастся. Много пришлось перенести еще оскорблений и лишений. Все содрогалось от гнева и злобы, когда он издевался над невинными животными. «Благородный человек», — как называл он себя, не мог терпеть кошек и собак. Если мимо проходила кошка, он хватал ее за хвост, вертел в воздухе и затем со всей силой бросал в сторону. Жалости у него не было и к людям. «Ваша страна теперь колония, поэтому вы должны исполнять наши приказания, вы рабы», — сказал он мне. Эти слова ножом врезались в мое сердце. «Я не раба и не служанка, а свободная русская девушка, выросшая на свободе, ни от кого независимая, поэтому я не признаю над собой ничьей власти и отказываюсь служить вам». Я отказалась убирать и мыть ему котелок. Очевидно это взбесило его. Глаза его налились кровью, губы дрожали от злости. Он зашагал по комнате, начал кричать. Потом он снова подошел к ко мне и стал объяснять, что мы пленные и должны повиноваться. «Нет, нет и еще десять раз нет!» — почти кричала я ему. Тогда он выхватил из кармана пистолет и стал грозить мне. В эту минуту он был отвратительным. Изо рта летела слюна, лицо почернело от крика. Я тоже не молчала. Мне было очень обидно, что эти звери сами вторглись на нашу землю и теперь мы — рабы.

«Никогда этого не было и не будет. Красная Армия поздно или рано освободит нас». Не знаю, чем бы это кончилось, если б меня не утатила мать, которая прибежала на крик. После этого он ненавидел меня и всегда называл «коммунист». Я же всегда избегала встречи с ним и не могла равнодушно относиться к нему.

Жить во время оккупации было трудно. Продуктов не было. Необходимо было итти в станицу за хлебом. Мама была слабой болезненной женщиной, поэтому надо было итти мне, кроме того, я не хотела оставаться дома одна. Уже наступила осень. По утрам стали заморозки. Я с тетей пошла. Туда мы дошли благополучно, но оттуда мне пришлось особенно трудно. Сначала мы попытались сесть на поезд, но не успела я сбросить с плеч мешок, как ко мне подскочил немец и стал бить палкой. Палка оказалась очень тяжелой, так что мне досталось много. Избитая, я дошла до старого сарая и там упала. Сердце мое пылало огнем, рыдания вырывались из груди, слезы душили меня. Не могу описать моего душевного состояния тогда. Была уже ночь, но приюта не было. Избитая и измученная, я шла по дороге. Скоро я натерла ноги туфлями. В них невозможно было больше итти. Несмотря на холод, я разулась. Ноги мои покраснели от холода, грязь липла к ногам, но я ничего не чувствовала. Душа моя горела затаенной ненавистью и горькой обидой, а в голове мелькала мысль: «Это вам не пройдет даром. Красная Армия, отец, брат, отомстят вам. Настанет день расплаты и вы ответите за мучения, слезы тем же». Так завершилась моя «поездка» в станицу.

Не раз приходилось переносить и оскорбления. Однажды я возвращалась домой. За спиной был мешок с бураками. Вдруг несколько немцев остановили меня и стали трогать мешок. Они наверное думали что там яблоки или еще что либо. Я уверяла, что я несу бураки, но мои убеждения не помогли. Один из них снял мой мешок, оттолкнул меня и стал развязывать. Удостоверившись, что это бураки, они расхохотались. «Русские свиньи, — кричали они, — они не едят хлеб, только то что едят животные». Они долго еще смеялись, что-то говорили между собой, указывая на меня, и все новый и новый взрыв глупого хохота заставлял меня вздрагивать. Я вся кипела негодованием, но не имела возможности доказать им, что это не действительно. Я взяла мешок и побрела домой. За спиной еще долго раздавался звериный рев этих животных.

Терпения не было больше мириться с такой жизнью. Сладкая мысль об освобождении не покидала меня. Я была уверена в скором освобождении. Надежда в освобождении не была напрасной. Настал день, когда солнце запрылало над нашим городом. Двенадцатое февраля 1943 года. Ясное морозно утро. По улицам движутся колонны красноармейцев-освободителей. Смотришь на движущуюся массу близких, родных людей и радость захватывает дыхание. Вот где свобода!

Да, теперь я поняла, что такое война и оккупация. Беспредельная ненависть к врагам воплотилась еще больше, когда немцы разбомбили наш дом, в связи с чем я потеряла самого близкого, родного мне — мать. Она так же пережила все, ждала счастливых дней. Она дождалась свободы, но немецкие изверги бомбили мирное население и она погибла, когда уже была полная надежда на свободу и жизнь. Я не могу вспоминать спокойно о минувших мрачных днях неволи, о всех переживаниях, постигнувших меня. Красная Армия отомстит за все. Она беспощадно громит их звериные норы, она добирается до фашистского логовища. Беснующийся враг уходит из него, но он нигде не спрячется от расплаты.

ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 42. Л. 75—77 об.

